

КАРМЕН ЛУНА

ГАДАЛКА-МОШЕННИЦА
для злого
призрака
ДРАКОНА

Кармен Луна

**Гадалка-мошенница для
злого призрака-Дракона**

«Автор»

2026

Луна К.

Гадалка-мошенница для злого призрака-Дракона / К. Луна —
«Автор», 2026

Она врала всю жизнь. На картах, на кофейной гуще, на чужих надеждах. Пока однажды не соврала не той — и проснулась в другом мире. Теперь её зовут Офелия. Вокруг — средневековье, магия и страх перед ведьмами. А она — ведьма. Настоящая. Не по воле, а по проклятию. Первый же обряд — и она вызывает его. Герцог Драгон де Ромиарис. Красивый. Мёртвый. Невидимый для других. И абсолютно невыносимый.

Содержание

Аннотация	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кармен Луна

Гадалка-мошенница для злого призрака-Дракона

Гадалка-мошенница для злого призрака Дракона
Кармен Луна

Аннотация

Она врала всю жизнь. На картах, на кофейной гуще, на чужих надеждах. Пока однажды не соврала не той — и проснулась в другом мире. Теперь её зовут Офелия. Вокруг — средне-вековье, магия и страх перед ведьмами. А она — ведьма. Настоящая. Не по воле, а по прокля-тию. Первый же обряд — и она вызывает его. Герцог Драгон де Ромиарис. Красивый. Мёртвый. Невидимый для других. И абсолютно невыносимый.

Глава 1

Ну вот как это обычно бывает? Люди находят своё призвание в книгах, музыке, бизнесе, а я — в обмане. Чистом, утончённом, ароматном, как свежий кофе с корицей. Только вместо зерна — картон, вместо пенки — карты, и вместо бариста — я. Внучка великой бабки Нинки, королевы коммунального колдовства и махинаций на грани уголовщины.

Я родилась с колодой в руках. Правда, тогда она была пластиковой и в слюне, но ты поняла. В нашей семье гадали все: мама гадала, как бы не попасться налоговой, бабка гадала соседкам, как привлечь Степана из пятого подъезда, а я... Я гадала на всё. На любовь. На карьеру. На кота, который сбежал две недели назад и до сих пор не вернулся — и правильно сделал, я бы тоже сбежала от этих тёток.

Мой реквизит — скатерть с позолотой, свечи из «Фикс-прайса» (но с душой!), колода карт, выдавшая лучшие времена, и главное — мой рот, у которого диплом актёрского, даже если я в жизни ни одной сцены не сыграла. Я умела сказать нужное. Так, чтоб клиентка ушла просветлённая, успокоенная и с пустым кошельком.

— Он любит вас. — Карта «Влюблённые», в смысле, ну куда денешься.

— Но боится чувств... видите, тут Луна. А Луна — это страх, тайна, интрига.

— И ещё будет женщина на горизонте... но не бойтесь, он выберет вас. Потому что Сила! Видите, лвица — это вы. С зубами. С характером.

Ну скажи, ну разве не талант? Разве не от природы? Я умела читать между строк. Чуть слеза в уголке глаза — значит, бросил. Если губы в ниточку — бабка вмешалась. Если сумка люксовая, а пальто с рынка — значит, любовница. Всё элементарно, дорогой Ватсон.

А потом мы с бывшими однокурсницами решили пойти в баню. Встретиться, поляля-кать. Спустил эдак ...дцать лет. Мне сорок, если что. И я разведёнка. Без детей. Себе я ничего не нагадала, а только прогадала. Благоверный нашёл себе тёлку на десять лет моложе меня и слинял в закат. Я пыталась навести порчу, но, кажется, навела её на себя.

Говорят, баня — место очищения. Там смываются грехи, тревоги и, если повезёт, хотя бы часть целлюлита. Ну, а если не смываются, то запариваются веником до состояния «всё равно уже не важно».

Мы с девчонками, как положено приличным ведьмам (ну ладно, бывшим студенткам колледжа с дипломом по жизни), купили коньячку, закусок разных, сухую колбаску. Просто потому что была пятница, нервы и скидка.

Тело расслаблялось, мысли улетали в пар, а язык развязывался так, что к третьей рюмочке в парилке я уже принимала клиентов. Ну а что? Колода с собой. Всегда в сумке. На всякий случай. Мало ли кому судьбу подправить надо между заходами с веником.

И вот она — та самая. Тётка. Не из нашей компании, но как-то прибилась. Смотрит, серьёзная, губы в нитку, глаза как у директора школы на родительском собрании. Говорит:

— Погадай. Только честно.

Ну, думаю, какая честность, милая моя, у нас тут баня, жар, женская солидарность и полусон. Я раскинула карты. На коленке, с паром и сыростью, с запотевшими пальцами, но — как умела.

— Здесь Паж Мечей, значит, молодой мужчина... — начинаю, привычно виляя между ложью и надеждой.

— А он вернётся? — перебивает.

— Да, конечно. Он вас любит. Вот карта Влюблённых, видите? И Сила — значит, у вас есть над ним власть...

Она не улыбнулась. Не обрадовалась. Только посмотрела так, что по спине у меня прошёл холодок — хотя я сидела на раскалённой лавке и парилась, как пельмень в кипятке.

— Ты врёшь, — сказала она. — Врёшь, как дышишь. Пусть тебе самой откроется правда. Вся. Своими глазами увидишь.

И вышла. Просто ушла. Даже тапки не надела.

Мы поржали, конечно. Выпили ещё чаю. Обсудили, кто кого любит, кто кого бросил, и что у Люськи новый муж с дачей и двумя детьми.

А потом подруги зазвали меня обратно:

— Эй, Оль, глянь-ка нам! — Люська помахала колоде с притворным почтением; девчонки прыснули. — Мы тоже хотим узнать судьбу. Так уж и быть, без скидки!

Смеялись, плескались, свет выключили для атмосферности. Я села, колоду положила, как полагается — ровно, чётко, торжественно. Картинки пошли: Звезда, Колесо, Верховная Жрица... Красиво пошло, ладно. Только в этот момент кто-то сказал:

— А ты знала, что сегодня парад планет?

И тут, будто в ответ — за окном что-то сверкнуло. Воздух внутри бани задрожал. И у меня на груди — медальон. Маленький, неприметный, бабкин. Который я таскала просто «для образа», как украшение. Он вспыхнул. Горячо. Я даже вскрикнула.

— Всё нормально? — спросила Настя. Или Юлька. Кто-то спросил, но я уже не ответила. Потому что всё... сместилось.

Тьма. Свет. Что-то тянет. Щёлк — как лифт между мирами. Только без кнопок.

Глава 2

Проснулась резко — как будто меня кто-то вышвырнул из сна, как воришку с ярмарки. Вдохнула — и чуть не умерла.

Воздух был... простите, что сейчас будет неприлично, но по-другому не скажешь: как будто навоз с соломой поругались, потом помирились, а потом завонялись от страсти. Всё это щедро сдобрено сыростью, пылью, и отчётливым ощущением, что где-то рядом кто-то сдох. Может, коза. А может, я.

Я вскочила. Или попыталась. Что-то хрустнуло — надеюсь, не позвоночник. Тело — не моё. Руки тонкие, как у куклы. Кожа не моя. Живот ввалился, грудь... лучше не начинать. Под ногтями грязь, на ногах — ничего. Ни носков, ни обуви, только пыль и ощущения полного: где, мать его, я?!

Я крутанулась — вокруг стены из дерева, щели, солома, ведро в углу и подозрительный пар из навозной кучи в центре композиции. Прекрасно. Значит, меня не похитили — меня понизили в классе. До уровня деревенской курицы. Или козы. Хотя в углу, кажется, действительно спит коза. Надеюсь, мы не делим подушку.

— Аллю! — выкрикнула я. — Эй! Кто-нибудь?!

Ответом стала тишина. Густая, вязкая, липкая, как студень из страха. Ни шагов, ни голов. Только моё дыхание — слишком громкое, слишком живое. Сердце колотилось так, будто решило пробить грудную клетку и бежать без меня.

Я вышла. Дверь была — не в дверь, а в проём, завешанный какой-то дохлой тряпкой. Свет резанул по глазам. Я прикрылась — и пошла. Шатаясь. Как утёнок, впервые вылупившийся на болоте.

Потом я услышала, как кто-то жалобно мекает. Козлёнка загнала в угол какая-то драная собака.

— Эй ты, кикимора! — крикнула я, испугавшись за малыша сильнее, чем за себя. Собака обернулась, поджала хвост, прижала уши и удрала. Хм... Мой вид распугивает даже уличных собак. Козлёнок подбежал ко мне и прижался к ногам. Я схватила его под мышку и пошла дальше.

Рядом журчал ручей. У него я и увидела её.

Не. Не её. Меня.

Только это не я. То есть... я, но не я. Лицо — другое. Молодое. Не замученное, не с тёмными кругами от гаданий до полуночи и стресса по поводу квартплаты. Лицо — красивое. Даже очень. В каком-то потустороннем, не моём смысле. Глаза — синие. Настолько, что я аж ахнула. Не голубые, не серые. Синие, как те карамельки, которые красили язык в детстве. Волосы — длинные, чёрные, блестят, как шёлк. Кожа — белая, без прыщей, как на фотошопе. И... родинка. На шее, сбоку, в форме капли. Её у меня не было. Никогда.

Я прикоснулась к лицу. К глазам. К губам.

— Это не я... — выдохнула я. — Это... другая.

Рядом с отражением колыхнулась вода. Лицо чуть исказилось. Я вдруг увидела — на мгновение — ещё одно. Мужское. Зелёные глаза. Улыбка. Шепот...

«Ты пришла...»

Я отпрянула. Споткнулась. Упала прямо в грязь.

Ну, здравствуйте, новая жизнь. Ты такая же мерзкая, как старая. Только без Wi-Fi и прав человека. Но с козлом...пусть и маленьким.

Я не шла — я спотыкалась. По жиже, по камням, по собственной жизни, которая развалилась за одну ночь, как китайская мебель без инструкции. Босые ноги щипало, ветер задувал

под подол, где и без него гуляли сквозняки, и если бы не козлёнок под мышкой, который фыркал мне прямо в ухо, я бы, возможно, всерьёз подумала, что окончательно тронулась умом.

Да, ты не ослышалась. Козлёнок. Под мышкой.

Грязный, возмущённый и, по-моему, глубоко оскорблённый тем, что я несу его как сумочку. Но бросить его? Да вы что. Мы тут, походу, оба выпали из нормальности, и кто я, чтобы кидать попутчиков по несчастью?

Свернула в переулок — если эту мрачную щель между двумя деревянными развалинами можно так назвать. Пахло... так, как пахнет в деревне у бабушки в августе, если бабушка — ведьма, а август — в аду. Я привалилась к стене, которая тут же посыпалась мне на плечи стружкой и паутиной, и сползла вниз.

Меня трясло. На губах — соль, в носу — запах козы, грязи и ужаса. Сердце лупило в грудную клетку, как будто хотело вырваться наружу и сказать: «До свидания, вы с ума сошли, я в этом не участвую!»

Я уставилась на руки. Тонкие. Замёрзшие. И... грязь под ногтями, Господи помилуй. Не просто «немного пыли», а настоящие залежи! Земляной фонд вселенной в моих ногтях. С таким маникюром только картошку копать, а не магией заниматься. Хотя, если честно, с моим уровнем выживания тут бы и картошка не завелась.

— Проснись... — шепчу я. — Пожалуйста. Проснись. Ну хватит уже. Весело было, давай назад. Верните баню. Я согласна на веник в глаз, только не это...

Козлёнок пискнул. То ли в поддержку, то ли просто потому, что ему неудобно было под моей подмышкой. А может, он тоже ждал, когда я проснусь. Мы, в конце концов, теперь одна стая. Ведьма и её коза. Или коза и её ведьма — пока не решено.

Я зажмурилась. Сжалась. Прислушалась. Никаких будильников. Никакой Юльки, храпящей на соседней полке. Только гулкий ветер, какой-то колокол вдалеке и ощущение, что в этом мире нет ни кофе, ни вай-фая, ни презумпции невиновности.

Если это не сон...

А, судя по козлёнку подмышкой — не сон, тогда мне придётся срочно адаптироваться.

Или хотя бы найти, где тут прячут ведьм. Вдруг сдают с отоплением?

Я добралась до сарая обратно, как побитая кошка: грязная, уставшая, с глазами навывкате и козлёнком, висющим у меня под мышкой, будто модный аксессуар из серии «сельский шик». Он фыркнул, пока я натягивала тряпку поперёк дверного проёма и цепляла её за кривой гвоздь — а что делать, у нас тут безопасность по понятиям, замков нет, но злобный взгляд и коза с моралью — работают не хуже охраны.

Я осмотрелась. В сарае, помимо меня и козла, находилась, прости господи, коллекция сельской нищеты: кусок старой косы, бочонок с подозрительной жидкостью, веник (вот кто бы мне им в бане ещё вчера дал по хребтине, может, и не переместилась бы) и мешок.

Старый, серый, пропитанный запахами веков. Свален в угол, будто не нужный, но излучающий странное... тепло? Тревогу? Магнитную тягу для ведьмы в кризисе? Я потянулась к нему, дрожащими пальцами отогнула край — и да, внутри не было золота, артефактов или даже тапок. Но были вещи.

Грубое платье, цвета унылой грязи, с дыркой на подоле. О, спасибо, теперь я буду не просто ведьма, а модная ведьма сезона «осень-вешайся». Следом — кусок хлеба. Настолько чёрствый, что его можно использовать вместо оружия. Серьёзно. Им можно прибить ведьму. Или отбиться от другой. Но я всё равно вцепилась в него, как в спасательный круг, отгрызла уголок — и, господи, мне казалось, я никогда не ела ничего вкуснее.

И тут я увидела его. Узелок. Маленький, обёрнутый красной ниткой, как тайна, которую бабка прячет в платке, а потом забывает, где зарыла. На вид — ничего особенного. Но как только я дотронулась, ладони зашипало. Словно туда вошёл ток. Не больно. Но живо.

Развязала. Осторожно. Как будто внутри могла быть бомба. Хотя, если честно, она и была. Колода. Не просто карты. А те, от которых у меня засвербело под сердцем. Как будто я — это они. А они — это я.

Старинная. Потёртая. Лица чуть стёрты, как у добрых друзей, с которыми ты прошла огонь, воду и любовные треугольники. Карты дрожали в пальцах. Или я дрожала? Я провела ладонью по поверхности — и вздохнула. Первый настоящий вздох с момента, как проснулась в этом кошмаре на минималках.

— Откуда вы здесь? — шепнула я, прижимая колоду к груди. Рисунки были чужими, но карты отзывались так, будто знали меня всю жизнь.

И они будто ответили. Притихли в ладонях, лёгкие, как пепел, но тяжёлые, как судьба. И в ту же секунду я поняла: нет, это не просто вещички. Это не реквизит. Не память.

Это — я.

И если этот мир решил, что я ведьма...

Ну что ж, карты у меня уже есть. Осталось выжить — и вытянуть козырь.

Глава 3

Знаете, что самое забавное в судьбе? Она — как плохая официантка в дешёвом кафе. Принесёт тебе совсем не то, что заказывал, нахамит, а потом ещё и чаевые потребует. Я заказывала стабильность, а получила средневековую антисанитарию с козлом в комплекте. Чаевые, видимо, буду платить остатком жизни.

Но что поделать? Если жизнь подкинула тебе лимоны, сделай лимонад. А если подкинула ведьминскую репутацию и старинные карты — открывай магический салон красоты. В смысле, предсказаний. Хотя, судя по реакции местного населения на мой внешний вид, салон красоты тут тоже не помешал бы.

Я провела утро, изучая свои новые владения. Сарай оказался не таким уж плохим — если закрыть глаза на дыры в крыше, запах козьего помёта и тот факт, что единственной мебелью служила куча соломы. Под соломой обнаружили низкий столик и два расшатанных стула. На один я села с опаской: выдержал, и то праздник. А ещё есть окно! Правда, без стекла, но зато с аутентичной деревянной ставенкой, которая висела на одной петле и скрипела, как душа в аду.

Козлёнок, кстати, оказался отличным компаньоном. Не перебивает, не даёт глупых советов, не пытается занять денег. Идеальный мужчина, если подумать. Только вонючий и с рогами. Хотя, если честно, среди моих бывших и не такие попадались.

К полудню я решила, что пора действовать. Карты у меня есть, талант врать — тоже, остальное приложится. Я расстелила кусок ткани на шатком столике, поставила огарок свечи, которую нашла в углу, и приготовилась встречать клиентуру.

Я вынесла табурет к дороге и предложила проходившим женщинам погадать. Некоторые шарахались, зато одна окликнула меня Офелией и пообещала прислать знакомую. Значит, у прежней хозяйки тела уже были клиенты. Ждать пришлось недолго. Видимо, сарафанное радио работает здесь не хуже, чем в нашем мире. Только вместо WhatsApp — базарные тётки с языками длиннее, чем у жирафа в период любви.

Первой пришла молодая женщина. Лет двадцать пять, симпатичная, но с таким выражением лица, будто ей в борщ плюнули. Платье хорошее, руки ухоженные — значит, не крестьянка. Замужняя дама из торгового сословия, если я правильно понимаю местную социальную иерархию.

— Ты та самая ведьма? — спросила она, оглядывая мой «офис» с плохо скрываемым сомнением.

— Та самая, — подтвердила я, стараясь выглядеть загадочно. Что, впрочем, было несложно, учитывая, что я сама не понимала, что происходит. — Садитесь, милая. Расскажите, что вас беспокоит.

Она присела на край шаткого стула, будто боялась подцепить что-то заразное. Интересно, что именно? Нищета? Безумие? Или просто вшей?

— Меня Катарина зовут, — сказала она наконец. — Я... мне нужно знать правду о муже.

О, классика жанра! Муж, правда, измена — святая троица семейного консультирования. Я тасовала карты, наблюдая за её лицом. Губы поджаты, глаза красноватые — плакала недавно. Обручальное кольцо крутит на пальце — нервничает. Платье дорогое, но несвежее — либо денег стало меньше, либо настроения следить за собой нет.

— Положите руку на карты, — велела я, разложив их веером. — И думайте о своём вопросе.

Катарина осторожно коснулась колоды. И тут... Господи, что это было?! Будто током ударило, только не больно, а... как бы это описать... будто кто-то включил телевизор прямо в моей голове. Картинки, образы, ощущения хлынули потоком.

Мужчина. Средних лет, полноватый, с бородой. Катаринин муж, без сомнения — по тому, как она смотрела на него в видении, было понятно. А потом... другая женщина. Рыжая, смеётся, обнимает того же мужчину. Постель. Объятия. И деньги — он даёт ей деньги.

Я едва удержалась, чтобы не ахнуть. Что за чёрт? Откуда это во мне? Неужели в этом теле действительно есть какой-то дар? Или это карты такие волшебные?

— Ну? — с надеждой спросила Катарина. — Что видите?

И тут я поняла, что стою на развилке. Можно соврать, как всегда. Нагородить про временные трудности, про то, что он любит, но запутался, про скорое примирение. Стандартный набор утешений для обманутых жён. Катарина заплатит, уйдёт успокоенная, а я получу первые деньги в новой жизни.

Или...

Я посмотрела на неё. На её надежду, смешанную со страхом. На то, как она вцепилась в край стола. И вдруг мне стало её жалко. По-настоящему жалко, а не профессионально.

— Он изменяет, — сказала я тихо. — С рыжеволосой женщиной. Она моложе вас. Он даёт ей деньги.

Катарина побледнела, как стена моего сарая.

— Откуда... откуда вы знаете, что она рыжая?

— Вижу, — ответила я просто. И это была правда. Впервые в жизни — чистая, неразбавленная правда.

Слёзы потекли по её щекам. Тихо, без рыданий — как будто она уже выплакала всё, что могла.

— Я так и знала, — прошептала она. — Но надеялась... Господи, как я надеялась, что ошибаюсь.

— Простите, — сказала я. — Знаю, что это больно.

— Нет, — покачала головой Катарина, вытирая глаза. — Спасибо. Лучше знать правду, чем жить в выдумках. Сколько с меня?

Я спросила, сколько здесь обычно дают за гадание, и согласилась на предложенные медяки: в чужих деньгах ещё предстояло разобраться. Катарина заплатила без торга и направилась к выходу. На пороге обернулась:

— А что мне теперь делать?

— Что подскажет сердце, — ответила я. — Но помните: вы стоите большего, чем предательство.

На полученные медяки я купила хлеб, кусок сыра и поношенные башмаки. Торговка отдала впридачу старый плащ — видно, смотреть на меня без содрогания она уже не могла. Когда я вернулась в сарай, я осталась одна со своими мыслями и козлёнком, который философски жевал кусок соломы. Что это было? Откуда у меня эти видения? И главное — хочу ли я этого дара, если он означает причинять людям боль правдой?

Вечером я сидела при свече, перебирая карты. Они казались тёплыми под пальцами, живыми. Я достала одну наугад — Луна. Карта иллюзий, обманов, скрытых врагов. Как символично.

— Что ты от меня хочешь? — спросила я вслух, обращаясь к картам, к этому миру, к судьбе, которая швырнула меня сюда. — Чему ты хочешь меня научить?

Ответом была тишина. Только ветер за окном и тихое сопение козлёнка.

Я взяла другую карту. Мир. Завершение, гармония, достижение цели. Хм. А может, дело не в том, чтобы понять, что происходит? Может, дело в том, чтобы принять происходящее и найти в нём своё место?

— Ладно, — сказала я картам, миру и собственной судьбе. — Будь по-вашему. Если я тут ведьма — буду ведьмой. Но настоящей. Той, что говорит правду, а не врёт ради денег.

Карты лежали молча, но мне почему-то показалось, что они одобряют моё решение.

Я продолжила их перебирать, размышляя о дне. О Катарине, о видениях, о том, как странно было чувствовать настоящую магию. И вдруг остановилась на одной карте — Императоре. Мужчина на троне, символ власти, силы, доминирования.

Что-то кольнуло в памяти. То лицо в воде. Зелёные глаза, властный взгляд. Кто это был?

Я вгляделась в карту, и мне показалось... нет, точно показалось! — что лицо Императора на секунду изменилось. Стало другим. Более живым. Более... реальным.

— Кто ты? — прошептала я.

И тут свеча погасла.

Просто так. Без ветра, без причины. Погасла — и всё. Сарай погрузился в темноту, но странную. Не обычную, ночную, а какую-то... плотную. Живую. Будто тьма сама по себе стала присутствием.

Воздух стал холодным. Настолько, что у меня перехватило дыхание. А потом я услышала голос.

Низкий. Грубый. Полный такой ярости, что по спине побежали мурашки.

— КТО ПОСМЕЛ?!

Я подскочила, опрокинув стул. Карты разлетелись по полу. Козлёнок жалобно заблеял и забился в угол.

— КТО ПОСМЕЛ ЗАНЯТЬ МОЮ МАГИЮ?!

Голос был повсюду и нигде одновременно. Стены сарая задрожали. А в воздухе перед собой я увидела... нет, не увидела. Почувствовала. Присутствие. Огромное, злое, полное такой силы, что у меня подкосились ноги.

— Я... — попыталась сказать я, но голос предательски сел.

— ЖАЛКАЯ САМОЗВАНКА! — рявкнул невидимый собеседник. — КАК ТЫ СМЕЛА?!

И тут он появился.

Не материализовался — проявился. Как фотография в проявителе. Сначала контуры, потом детали. Высокий. Очень высокий. Широкоплечий. В тёмной одежде, которая могла быть как древним кафтаном, так и просто тенью, принявшей форму. Лицо... Господи, какое лицо! Красивое, как у павшего ангела. И злое, как у дьявола в плохом настроении.

Но глаза. Эти глаза я помнила. Зелёные, как майская листва, и холодные, как декабрьская выюга. То самое лицо из воды.

— Ты, — выдохнула я.

— Я, — согласился он, и в его голосе было столько презрения, что хотелось провалиться сквозь землю. — Герцог Драгон де Ромиарис. А ты — жалкая воровка, присвоившая то, что ей не принадлежит.

Он шагнул ближе, и воздух вокруг него завибрировал от энергии. Я попятилась, пока спиной не уперлась в стену.

— Освободи мою землю, — приказал он. — Верни моё тело. Прекрати пользоваться тем, что принадлежит МНЕ!

— Какое тело?! — выпалила я. — Какая земля?! Я вообще не понимаю, что происходит!

Он рассмеялся. Звук был похож на скрежет металла по стеклу.

— Не понимаешь? Тогда я объясню. Ты каким-то образом заняла место, которое должно принадлежать мне. Ты пользуешься магией, которая МОЯ по праву. И пока ты здесь — я обречён на существование призрака!

— Призрака? — переспросила я. — То есть ты...

— Мёртв? Да. Пятьсот лет как. И все эти годы я ждал возможности вернуться. А теперь являешься ты и всё портишь!

Он подошёл ещё ближе. Так близко, что я чувствовала холод, исходящий от него. И ещё что-то. Что-то, что заставило сердце биться быстрее, а кожу покрываться мурашками. Не от страха. От чего-то другого. Более сложного.

— Слушай меня внимательно, самозванка, — прошипел он. — Ты вернёшь мне то, что моё. Или я сделаю остаток твоей жизни таким адом, что ты будешь молить о смерти. Понятно?

Я сглотнула. В горле пересохло.

— Понятно, — прошептала я.

— Отлично, — он отступил на шаг, и его очертания стали чуть менее отчётливыми. — Теперь мы понимаем друг друга. Спи спокойно, воровка. Если сможешь.

И он исчез. Просто растворился в воздухе, оставив после себя только запах грозы и ощущение, что моя новая жизнь только что стала ещё сложнее.

Я осталась стоять у стены, дрожа всем телом. Козлёнок осторожно выполз из угла и ткнулся мордой в мою ладонь.

— Ну что, дружок, — сказала я ему, поглаживая по голове. — Похоже, у нас теперь сосед. Очень злой сосед. Который хочет вернуть своё тело и, видимо, готов за это убить.

Козлёнок сочувственно заблеял.

— Да уж, — вздохнула я. — И самое паршивое во всём этом то, что он чертовски красив. Видно, судьба решила усложнить мне задачу по максимуму.

Я собрала разбросанные карты, зажгла новую свечу и села на солому. Руки всё ещё дрожали.

Герцог Драгон де Ромиарис. Мёртвый пятьсот лет. Хочет своё тело обратно. И считает, что я как-то во всём этом виновата.

Просто замечательно. Будто мне мало было проблем с нищетой и полным непониманием происходящего. Теперь ещё и призрак разъярённого аристократа.

Хотя, если подумать... Он сказал, что я пользуюсь его магией. Значит, мои видения, способность читать карты — это не моё? Это его сила, которая каким-то образом перешла ко мне?

Интересно. И пугающе. И, если честно, немного захватывающе.

Я посмотрела на карты в руках. На Императора, который снова стал обычной картой. Никаких зелёных глаз, никаких изменяющихся лиц.

— Что ж, ваше герцогское призрачество, — сказала я в пустоту. — Посмотрим, кто кого. Вы хотите своё тело? А я хочу домой. Возможно, нам стоит найти компромисс.

Ответа не последовало. Но мне показалось, что в воздухе промелькнула насмешка.

Я легла на солому, укрывшись старым плащом. Козлёнок устроился рядом. За окном завыл ветер, а в голове крутились мысли о призраках, магии и том, что завтра определённо будет интереснее, чем сегодня.

И знаете что? Несмотря на всё — на страх, растерянность и угрозы мёртвого герцога — я впервые за долгое время почувствовала, что жива. По-настоящему жива.

Возможно, правда действительно освобождает. Даже если эта правда включает в себя злобных призраков и магические способности сомнительного происхождения.

Завтра я узнаю больше. О герцoge, о его магии, о том, что он хочет. И о том, готова ли я отдать ему то, что он требует.

Но это завтра. А пока — спать. В обнимку с козлом и под бдительным оком невидимого призрака, который, возможно, наблюдает за мной прямо сейчас.

Такой вот у меня теперь режим дня. Магия, правда и паранормальная романтика с налётом угроз. Кто бы мог подумать, что из обычной гадалки-обманщицы я превращусь в героиню мистического романа?

Жизнь — штука непредсказуемая. Даже для тех, кто умеет гадать.

Глава 4

Утро вечера мудренее? Человек, придумавший эту поговорку, явно не просыпался под грохот мебели и ругань мёртвого герцога. Я ещё не открыла глаза, а уже хотела обратно в сон. Желательно в тот, где у меня была баня, подруги и ни одного титулованного призрака.

Кто-то пинал мой стул. По звуку — с удовольствием. Я села на соломе, хватая плащ, а козлёнок прижался к моему боку.

Открыла глаза — и чуть челюсть не вывихнула от изумления.

Он стоял посреди сарая так, будто принимал просителей в тронном зале. Дырявая крыша и козий запах, видимо, недостаточно веские причины, чтобы поступиться достоинством.

Герцог Драгон де Ромиарис выглядел так, будто готов объявить войну всему миру, начиная с моей персоны, продолжая этим сараем и заканчивая, возможно, самим мирозданием за его несправедливость.

— Проснулась, воровка? — рявкнул он голосом, который мог бы разбудить мёртвых, если бы они не были уже мёртвыми. Стул получил очередной пинок, на этот раз с таким артистизмом, что я невольно оценила технику. — Отлично! Теперь можешь объяснить, КАК ты посмела занять МОЁ место!

Я потёрла глаза. При дневном свете его красота никуда не делась — вот уж несправедливость. Высокий, широкоплечий, с холодным зелёным взглядом. Ни следа усталости на лице. А я после бессонной ночи даже на зависть сил не находила.

— Доброе утро и вам, ваше призрачество, — пробормотала я, вытаскивая башмак из козлиных зубов. — Если решили всё-таки меня убить, можно сначала проснуться?

Его зелёные глаза вспыхнули.

— Пятьсот лет, — процедил он, и призрачные пальцы сжались в кулак. — Пятьсот лет я ждал возможности вернуться. А теперь моя сила питает чужую душу.

— Чужая душа тоже не заказывала переселение, — отрезала я. От собственного дрожащего голоса злость становилась только сильнее.

Он смотрел на меня с такой непримиримостью, что я невольно отодвинулась. Красота красотой, а уговорить этого человека будет труднее, чем бывшего мужа выплатить общий долг. Интересно, что с ним сделали, если даже смерть не погасила такую ярость?

— Послушайте, — я заставила себя говорить медленнее. — Я ничего не крала. Меня перебросило сюда из другого мира. Проснулась в сарае, увидела чужое лицо. Вы думаете, я сама это выбрала?

— Ты заняла тело Офелии, — холодно ответил он. — И получила доступ к силе моего рода. Слишком удобное совпадение.

— А кто такая Офелия? — спросила я. Его уверенность пугала: он знал о моём теле больше, чем я сама.

Он замер. Впервые за утро посмотрел на меня без готового обвинения.

— Ты не знаешь? — В его голосе прорезалось недоверие.

— Понятия не имею, — призналась я, чувствуя, как под злостью снова шевельнулся страх. — Позавчера я ещё была в своём мире. В бане. С подругами.

— В бане? — переспросил он, уже настороженно. — Что произошло перед переносом?

— С женщиной повздорила, — призналась я, теребя край плаща. — Она сказала: «Пусть откроется правда». Потом меня позвали подруги. А очнулась я здесь.

Драгон медленно прошёлся по сараю. Вернее, пропарил. Или проплыл. У призраков, видимо, своя физика передвижения.

— Значит, чужая душа, — проговорил Драгон уже без прежней уверенности. — Ты могла войти в момент, когда Офелия умирала.

— СМЕРТИ?! — взвизгнула я. — То есть я в трупе живу?!

— Тело ещё можно было вернуть к жизни, — отрезал он, но перестал наступать на меня. — Её душа уже ушла. Твоя удержала последний шанс. И моя магия, на которую ты замкнула связь.

— Вернуть к жизни, — повторила я, ощупывая шею. Пальцы нащупали пульс, но спокойнее не стало. — Что с ней случилось?

— Её отравили три дня назад, — ответил Драгон, и лицо его застыло. — Яд действовал медленно. Она успела добраться до сарая. Орден ведьм счёл её слишком опасной; я чувствовал чужую печать на ней, но тогда не мог даже проявиться.

— Орден ведьм? — У меня в животе что-то холодно булькнуло. — То есть меня могут убить за то, что я ведьма? Как в средневековье?

— За запретную связь с моим родом, — ответил он жёстко. — Не за любое гадание. Если узнают, чьей силой ты пользуешься, попытаются закончить начатое.

— А почему я ей пользуюсь? — спросила я, садясь обратно на солому. Ноги подкашивались от такого количества приятных новостей, словно я была в туфлях на шпильках по льду. — Это же ваша магия!

Он снова прошёлся по сараю, на этот раз медленнее. Его призрачная форма то становилась чётче, то размывалась.

— После убийства моя душа осталась связана с родовыми землями, — сказал он. На этот раз за гневом слышалась усталость. — Сила никуда не исчезла, но я почти не мог ею пользоваться. Офелия искала эту связь. Ты заняла её тело, коснулась карт — и замкнула её. Через тебя я могу действовать в мире живых. Без тебя остаются только тени.

— То есть мы теперь зависим друг от друга, — сказала я, пытаюсь справиться с головокружением. — И что вы намерены делать?

Он развернулся ко мне.

— Найди способ воскресить меня, — выговорил он, и от сдерживаемой ярости задрожал воздух. — Я хочу снова есть, пить, чувствовать. Хочу касаться вещей, не собирая для этого по крупицам чужую силу.

Его взгляд задержался на моём лице. Я отвела глаза слишком поспешно — и разозлилась на себя.

От последних слов у меня что-то тёплое и липкое екнуло в животе. Что совершенно неуместно, учитывая, что передо мной стоит мёртвый тиран с манией величия и характером как у разъярённого носорога.

— И как я должна вас воскресить? — спросила я как можно равнодушнее. — У меня нет ни опыта в некромантии, ни соответствующей литературы, ни даже «Некромантии для чайников». Максимум, что я умею — это карты читать и лапшу на уши вешать.

— Моей магией, — поправил он резко, словно иного права у него больше не осталось.

— Вашей, — уступила я, поднимая ладони. — Только знаний о воскрешении от этого у меня не прибавилось.

Он вдруг притих. Подошёл ближе — так близко, что я почувствовала исходящий от него холод. И ещё что-то. Что-то, что заставило кожу покрыться мурашками.

— Ты будешь делать то, что я скажу, — произнёс он тихо, но в голосе звучала такая угроза, что волосы на затылке встали дыбом. — Будешь жить там, где я скажу. Будешь изучать то, что я велю. И будешь искать способ вернуть мне жизнь.

— А если я откажусь? — спросила я, удивляясь собственной смелости.

Он улыбнулся. И эта улыбка была страшнее любых угроз.

— Я могу мешать каждому твоему гаданию, — тихо сказал он. — Гасить свечи, швырять вещи, лишить тебя сна. Не испытывай, насколько мне надоело ждать.

От его спокойствия мне стало хуже, чем от крика. Я вцепилась в плащ, чтобы он не увидел дрожь пальцев.

— Очаровательно, — пробормотала я. — А вы всегда такой милый и дипломатичный?

— Всегда, — подтвердил он с хищной ухмылкой. — Особенно когда меня убивают и обрекают на пятьсот лет призрачного существования.

Справедливо. Хотя это не делает его менее невыносимым, чем соседка, которая сверлит стены в шесть утра.

— Хорошо, — вздохнула я. — Допустим, я соглашусь искать способ вас воскресить. А что я с этого буду иметь, кроме головной боли?

— Защиту, — ответил он после паузы. — Насколько хватит силы. Чем ближе к замку, тем я сильнее; вдали от него даже сдвинуть стул — расход. А против мага, который знает мою печать, этого мало.

— А хватит ли её, чтобы защитить меня? — Я не смогла скрыть тревогу. — Вдруг они придут раньше, чем мы доберёмся до замка?

Его глаза вспыхнули. Стул взлетел и с треском ударился о стену. Я отшатнулась, а очертания Драгона на миг побледнели.

— Против человека с ножом — хватит, — ответил он сквозь зубы. — Но лучше не проверять пределы на твоей жизни.

— Убедительно, — призналась я, глядя на обломки стула. — Но я всё ещё не понимаю. У меня нет книг, учителей, вообще никаких ресурсов, кроме здравого смысла, которого, кстати, тоже маловато.

— Ресурсы найдутся, — пообещал он. — Для начала ты купишь мой замок.

— ЗАМОК?! — чуть не подпрыгнула я. — Каким образом? У меня денег на хлеб нет!

— В замке библиотека, лаборатория и родовые артефакты, — ответил он, с трудом удерживая раздражение. — Всё заперто печатями. Чтобы открыть внутренние хранилища, мне нужен живой законный владелец, добровольно принятый домом. Ты купишь замок и позволишь мне добраться до того, что может нас спасти.

— А почему ваш замок продают? — поинтересовалась я.

Что-то болезненное мелькнуло в его глазах.

— После моей смерти замок отошёл казне, — произнёс Драгон, глядя мимо меня. — Род признали пресёкшимся. Поколениями его пытались освоить, но никто не удержался. Теперь выставляют на торги: казна устала содержать проклятые стены. До аукциона почти две недели.

— И сколько казна хочет за эти стены? — спросила я, уже опасаясь ответа.

— Много, — честно признался он. — Но ты справишься. У тебя есть дар. МОЙ дар, — добавил он.

Я посмотрела на него внимательнее. Несмотря на всю его агрессивность и властность, в глазах была боль. Глубокая, застарелая боль человека, который потерял всё. Дом, жизнь, будущее. И теперь цепляется за последнюю надежду на возвращение.

Мне его стало жалко. Что совершенно не означает, что я готова терпеть его хамство.

— Ладно, — сказала я. — Попробуем. Но есть условия.

Он вскинул бровь.

— Ты торгуешься со мной? — Его голос понизился; я ощутила желание отступить и осталась на месте.

— Предлагаю сделку, — ответила я. — Помогать я буду лучше, если не придётся всё время ждать удара в спину.

Он долго смотрел на меня. Изучал. Оценивал. Взвешивал все за и против. Наконец кивнул.

— Говори, — бросил он после долгого молчания. Уступка далась ему с явным трудом.

— Не угрожайте мне, когда я чего-то не понимаю, — сказала я, собирая остатки смелости. — Объясняйте. Я здесь не по своей воле, и ваши крики новых знаний мне не добавляют.

— Постараюсь, — процедил он. Это прозвучало почти как угроза, но всё-таки было согласием.

— И моя жизнь остаётся моей, — продолжила я, пока решимость не кончилась. — Даже если пользуюсь вашей силой.

— Пока от твоих решений зависит моё возвращение, они касаются и меня, — ответил он. Скулы резко обозначились под призрачной кожей.

— Касаются. Но не дают права командовать каждым моим шагом.

Он отвернулся. Спор не закончился, я это видела. Просто на сегодня нам обоим требовалось перемирие.

— И не появляйтесь, когда я моюсь или переодеваюсь, — добавила я, чувствуя, как горят щёки. — Личные границы — слышали о таком?

— Я джентльмен! — возмущённо заявил он.

— Тогда докажите делом, — ответила я. Разбитый стул лежал между нами слишком наглядным доводом.

Он что-то проворчал себе под нос. Кажется, не очень лестное.

— И последнее. Когда вернётесь к жизни, наша сделка не превратит меня в вашу пленницу? — Я старалась выдержать его взгляд.

— Нет, — сказал он после короткой, неприятной паузы. — Клянусь именем рода.

Воздух сжался вокруг его слов и отпустил. Я не знала местных клятв, но эту почувствовала кожей.

Мы помолчали. Он стоял, скрестив руки на груди и сверкая глазами. Я сидела на соломе, обнимая козлёнка. Картина идиллическая.

— Итак, — сказала я наконец. — У нас есть план. Я зарабатываю деньги, покупаю ваш замок, ищу способ воскрешения. Вы защищаете меня от Ордена и не мешаете работать. Все довольны?

— Все довольны, — согласился он, но по тону было понятно, что доволен он примерно как кот, которого заставили принимать ванну с пеной.

— Тогда расскажите об Ордене, — попросила я. После разговора о защите ждать стало особенно страшно. — Я должна узнавать их раньше, чем они узнают меня.

Он кивнул и рассказал о тайных кругах внутри Ордена, о запретах на родовую некромантию и о змее, которую их люди носили на кольцах. Я старалась запомнить каждую подробность.

Я слушала, запоминала и думала о том, что моя новая жизнь определённо не будет скучной. Злобный Орден, призрачный герцог-тиран с характером как у разъярённого быка, магические способности и необходимость зарабатывать на замок.

А ещё я думала о том, что когда Драгон рассказывает, не орёт и не угрожает, он довольно приятен. Голос у него красивый — низкий, бархатный, с лёгким аристократическим акцентом. И глаза, когда он не злится, довольно выразительные.

Жаль только, что для спокойного разговора нам сперва понадобилось разбить стул и едва не поубивать друг друга.

Но ничего. Может, со временем мы притрёмся друг к другу. В конце концов, нам предстоит долгое сотрудничество.

Главное — не довести друг друга до окончательного помешательства. Он уже мёртв, я пока нет, и запас прочности у нас явно неодинаковый.

Интересные у меня теперь проблемы. Раньше самым сложным вопросом было «что приготовить на ужин», а теперь «как не довести призрака до окончательного помешательства и не сойти с ума самой».

Прогресс, одним словом. Как эволюция от обезьяны к человеку, только в обратную сторону.

Глава 5

Если кто-то думает, что жить с призраком — это романтично, как в фильмах про красивых вампиров, то позвольте разочаровать. Это примерно как жить с надзирателем в тюрьме, который считает, что имеет право контролировать каждый твой вздох.

За неделю нашего «сотрудничества» я поняла несколько важных вещей. Во-первых, Драгон материализуется сильнее, когда я использую магию. Во-вторых, он появляется в самые неподходящие моменты специально, чтобы меня раздражать. В-третьих, его присутствие я чувствую всем телом — и это, честно говоря, крайне неудобно.

Сегодня, например, ко мне должна была прийти торговка тканями. Женщина средних лет с проблемой — пропали товары, подозревает воровство. Я приготовилась, разложила карты, зажгла свечи. Всё как положено.

И тут он появился. Прямо за моей спиной.

— Что ты задумала на этот раз? — поинтересовался он тоном следователя.

— Работаю, — ответила я, не оборачиваясь. — Помните? Зарабатываю деньги на ваш замок.

— Значит, работай, — отозвался он сухо. — А я посмотрю, не путаешь ли ты увиденное со своими догадками.

Я развернулась и уставилась на него.

— Работать всё-таки буду я, — сказала я, сдерживая раздражение. — Помогайте, если заметите ошибку. Не запугивайте клиента.

— Ты. Моей силой, — он скрестил руки на груди. — Следовательно, я имею право контролировать процесс.

— Контролировать? — Я встала, и карты рассыпались по столу. — Да кто вам дал право меня контролировать?!

— Пока ты не отличаешь видение от собственной выдумки, — отрезал он. Я вздрогнула, будто получила пощёчину.

— Я не выдумывала! — Я остановилась, удерживая колоду так крепко, что заболели пальцы. — Я сказала Катарине правду, хотя раньше выбрала бы то, за что лучше заплатят. Это тоже ваша заслуга?

Он отвёл взгляд первым.

— Посмотрим, что ты скажешь следующей клиентке, — ответил он уже тише.

Я села, не скрывая злости. Пусть смотрит. Перед живыми людьми за свои слова отвечаю я.

Тут в дверь постучали.

— Спрячьтесь, ваше высочество, — прошипела я. — Временной арендаторше нужно работать.

Драгон что-то проворчал, но отступил в угол, сверкая глазами как разъярённый кот.

Вошла Берта — торговка тканями. Полная женщина с умными глазами и обветренными руками.

— Дорогая Офелия, — сказала она, садясь. — Мне нужна помощь. Пропал целый тюк шёлка. Дорогого, заморского. Кто-то украл, но не знаю кто.

Я положила руки на карты, чувствуя, как рядом напрягается Драгон. Его присутствие было как электричество — кожу покалывало, а в висках пульсировало.

Видение пришло ярче обычного. Склад, тюки с тканями. Молодой парень крадёт в темноте, хватая шёлк. Знакомое лицо.

— Вас обокрал ваш помощник, — сказала я. — Юноша лет восемнадцати, русые волосы, шрам на левой руке.

Берта ахнула.

— Томас? — Берта прижала ладонь ко рту. — Я к нему как к сыну... Зачем?

— Играл, проигрался. Кредиторы угрожают, — ответила я, с трудом удерживая ускользающее видение.

— Шёлк ещё можно вернуть? — В её голосе проступила деловая жёсткость.

— В подвале у его дяди, — сказала я, радуясь хотя бы этой возможности. — Покупателя ещё не нашёл.

Берта покачала головой.

— Значит, прямо к стражникам? — спросила она устало.

— Сначала проверьте подвал, — ответила я. От собственной уверенности стало не по себе. — Не обвиняйте его только с моих слов.

— Передам стражникам, — твёрдо сказала женщина.

Она заплатила и ушла, а Драгон тут же материализовался.

— Неплохо, — сказал он снисходительно. — Почти как настоящая ведьма.

— Почти?! — возмутилась я. — Да я абсолютно точно...

— Ты перепутала руку, — сказал Драгон, глядя на закрытую дверь. — Шрам справа. Видение было отражённым.

У меня похолодело внутри. Я выскочила за Бертой и исправила сказанное, прежде чем она успела уйти. Вернувшись, уставилась на герцога.

— Почему не предупредили сразу?

— Не понял, что ты назовёшь сторону вслух, — ответил он с досадой. — Я вижу тот же образ через нашу связь.

— Тогда в следующий раз поправляйте сразу, — сказала я. — От моей ошибки пострадает человек. Это важнее вашего удовольствия от урока.

Мы снова сверкали друг на друга глазами. Чёрт, почему он такой красивый, когда злится? Глаза горят, скулы напряжены... Стоп. Не туда думаю.

— Во время работы предупреждайте об ошибках, — сказала я, всё ещё сердясь. — Но не разговаривайте поверх клиента.

— А если клиенту нужно не гадание? — Драгон прищурился.

— Тогда я сама объясню, что он ошибся дверью.

— Ты слишком доверчива.

— А вы слишком охотно называете заботой желание всё решать за меня.

Он приблизился. На этот раз я не отступила, хотя сердце билось уже совсем не от злости.

Он шагнул ко мне, и воздух между нами загустел.

— Ты думаешь, что можешь мне противоречить?

— Знаю, что могу! — Я тоже шагнула к нему. — И буду!

Мы стояли так близко, что я чувствовала исходящий от него холод. И жар одновременно. Его глаза потемнели, а дыхание участилось.

— Ты играешь с огнём, — прошептал он.

— А вы с чем играете? — прошептала я в ответ.

Повисла тишина. Напряжённая, плотная, полная невысказанного. Мы смотрели друг на друга, и я чувствовала, как между нами что-то искрит. Не злость. Что-то другое. Более опасное.

Тут снова постучали, и мы отскочили друг от друга.

— Клиенты, — пробормотала я, стараясь унять дрожь в голосе.

— Да, — согласился он хрипло. — Клиенты.

На пороге стояла молодая девушка в дорогом платье. Красивая, но встревоженная.

— Вы Офелия? — спросила она. — Мне нужна помощь. Меня зовут Изабелла.

Я пригласила её сесть, чувствуя, как Драгон напрягается в углу. Что-то в этой девушке его насторожило.

— Что случилось? — спросила я.

Изабелла сжала руки.

— Моя сестра... она исчезла три дня назад. Родители думают, что сбежала с любовником.

Но я знаю — что-то не так.

Я разложила карты, и сразу почувствовала — что-то тёмное. Опасное.

— Как её зовут? — спросила я, стараясь не выдать дурного предчувствия.

— Моника. Ей девятнадцать, — выговорила Изабелла, не разжимая сцепленных рук.

Я коснулась карт, и видение ударило с такой силой, что я едва не вскрикнула.

Девушка в лесу. Кто-то её преследует. Она бежит, падает. Тёмная фигура настигает её.

Крик обрывается.

А потом — могила. Свежая, неглубокая. В лесу за деревней.

— Она мертва, — прошептала я.

Изабелла побледнела.

— Нет, — выдохнула Изабелла. — Вы ошиблись. Посмотрите ещё.

— Я вижу нападение в лесу, — сказала я, ненавидя себя за каждое слово. — Лица пока не разобрать.

Я всматривалась в видение, но лицо убийцы было скрыто капюшоном.

— Высокий мужчина, тёмный плащ, — проговорила я, напрягая зрение до боли. — Больше не вижу.

Изабелла заплакала.

— Где она? — спросила Изабелла сквозь слёзы. — Мы хотя бы сможем её забрать?

— За старой часовней, под большим камнем, — ответила я, опустив глаза. — Мне очень жаль.

Девушка заплатила дрожащими руками и ушла, пообещав передать всё стражникам.

Когда дверь закрылась, Драгон вышел из угла.

— Хорошая работа, — сказал он, и в голосе не было обычного снисхождения.

— Спасибо, — ответила я, всё ещё потрясённая видением.

— На сегодня хватит, — сказал Драгон, заметив, как дрожат мои руки.

— А завтра будет легче? — Я сама услышала в вопросе злость. Не на него. Просто больше не на кого.

— Нет, — ответил он после паузы. — Но ты научишься выдерживать. Я правил этими землями триста лет. Видел, что делает с людьми неизвестность. Ты дала её семье возможность проститься.

Я отвернулась. Утешение было жестоким и всё-таки настоящим.

— Спасибо, — сказала я, когда смогла говорить.

Он не потребовал благодарности погромче. Только остался рядом.

И тут в третий раз постучали.

— Популярная ты нынче, — буркнул Драгон, исчезая.

На пороге стояла пожилая женщина в чёрном плаще. Лицо строгое, глаза холодные. На пальце — кольцо с символом в виде змеи.

Кровь в жилах застыла.

— Офелия? — спросила женщина ледяным тоном.

— Да, — отозвалась я, стараясь не смотреть на кольцо.

— Матильда, — представилась женщина с холодной учтивостью. — Ваши гадания заинтересовали людей, от имени которых я пришла.

Я почувствовала, как рядом материализуется Драгон. Его ярость была почти осязаемой.

— Какую деятельность? — спросила я.

— Ваш необычный дар, — пояснила она, прищурившись. — Слишком точные предсказания вызывают вопросы.

Матильда вошла в дом, не спрашивая разрешения.

— Откуда у деревенской ведьмы такая сила? — спросила она негромко. От этой мягкости у меня заledenели пальцы.

— Я умею читать карты, — ответила я, заставляя себя выдержать её взгляд.

— Хорошо? — Женщина взяла одну из карт, изучила. — Это больше чем «хорошо». Это подозрительно.

Драгон зарычал так тихо, что только я слышала.

— В чём вы меня обвиняете? — спросила я, собирая карты подальше от её руки.

— В связи с тем, что должно покоиться в земле, — произнесла Матильда с едва заметным отвращением.

Сердце пропустило удар. Она знает.

— Тогда назовите это прямо, — сказала я. Голос оставался ровным только чудом.

— Думаю, понимаешь. — Матильда положила карту обратно. — Будь осторожна, девочка. За тобой наблюдают. И если окажется, что ты играешь с тёмной магией...

Она не договорила, но угроза повисла в воздухе.

— Кстати, — добавила женщина на пороге. — У тебя красивые глаза. Береги их.

И ушла.

Я рухнула на стул, дрожа. Драгон тут же оказался рядом.

— Орден, — прошептала я.

— Подозревают, — подтвердил Драгон, глядя на дверь с ненавистью. — Пока только проверяют.

— А когда проверят? — Я не могла остановить дрожь.

— К тому времени мы должны быть в замке, — ответил он. — До торгов не уходи одна. Я поставлю на сарай сигнальную печать.

Несмотря на страх, я почувствовала облегчение. Что бы между нами ни происходило — ссоры, споры, взаимное раздражение — он меня защитит.

— Почему? — спросила я. — Почему защищаете меня?

Он долго молчал. Потом ответил:

— Сначала потому, что ты нужна была мне, — ответил он, не сразу взглянув на меня.

— Теперь этого объяснения уже мало.

У меня пересохло во рту.

— Тогда не прячьтесь за него, когда снова захотите командовать, — попросила я тише.

Уголок его рта дрогнул.

— Невыносимая женщина, — сказал он почти нежно. — Даже сейчас торгуешься.

От этого признания что-то тёплое разлилось в груди. Опасно тёплое.

— Тогда будьте готовы спорить ещё, — сказала я. — Потому что я не собираюсь становиться покорной.

— И не становись, — ответил он. — Мне нравишься именно такой. Непокорной.

Мы снова смотрели друг на друга, и снова этот ток, это напряжение. Только теперь я понимала — это не просто магическая связь.

Это что-то гораздо более опасное.

И гораздо более притягательное.

Проблема только в том, что один из нас мёртв, а другой под прицелом Ордена ведьм.

Глава 6

После первого найденного тела я ещё надеялась, что больше таких клиентов не будет. Стражники обещали искать убийцу, но каждый новый стук в дверь заставлял меня смотреть не на карты, а на лицо вошедшего: только бы не это.

После истории с Изабеллой и её мёртвой сестрой я наивно думала, что это единичный случай. Такое случается — какой-то псих сорвался, убил и скрылся. Но жизнь, как всегда, решила доказать мне, что я слишком оптимистка.

Во вторник пришла Агнесса — тётка лет пятидесяти с лицом, как у плачущей иконы. Искала племянницу Роселину, которая пропала пять дней назад.

— Она хорошая девочка, — всхлипывала Агнесса, скручивая платок в узел. — Никогда бы сама не убежала. Ей всего шестнадцать!

Я разложила карты, и сердце ёкнуло. Та же картинка, что и с Моникой. Лес. Погоня. Тёмная фигура. Смерть.

— Она мертва, — сказала я тихо.

Агнесса завывала, как банши на ирландских болотах.

В среду пришёл торговец Бернард. Искал дочь Лукрецию — девятнадцать лет, красавица, исчезла неделю назад.

Та же история. Тот же лес. Тот же убийца.

В четверг — родители близнецов Мары и Клары. Обе пропали в один день.

И снова — лес, смерть, одна и та же тёмная фигура в капюшоне.

После ухода последних клиентов я сидела за столом, уставившись на карты, как студент на неподъёмный учебник по высшей математике. Драгон материализовался рядом — видимо, моё состояние передалось ему через нашу чёртову связь.

— Что случилось? — спросил он, и в голосе звучала непривычная мягкость.

— Убийца, — ответила я. — Один и тот же человек убил как минимум пять девушек за последние три недели. А сегодня стражник рассказал о шестой, пока неопознанной. Следы на теле те же.

Его лицо потемнело.

— Один человек? — переспросил Драгон, и прежняя мягкость исчезла.

— И выбирает ведьм, — ответила я, подавляя тошноту. — Молодых, с ещё слабым даром.

Драгон напрягся, как струна на арфе.

— Ты уверена насчёт дара? — Он смотрел на меня так пристально, что я невольно выпрямилась.

— Родные рассказали, — ответила я. — Роселина находила потерянное, Лукреция видела вещие сны. Близнецы чувствовали друг друга на расстоянии. Совпадений слишком много.

— Это меняет дело, — мрачно сказал он.

— Значит, гадания лучше прекратить? — спросила я, уже понимая, чем он обеспокоен.

— Расследование прекратить, — отрезал Драгон. — Ты ещё щит толком не ставишь, а собралась идти по следу мага, который убивает ведьм.

— Если спрячусь, он от этого не исчезнет, — сказала я, чувствуя, как на место страха приходит злость. — И следующую девушку это не спасёт.

— А твоя смерть спасёт? — Он приблизился, и свеча погасла. — Ты для него заметнее всех. Моя сила выдаёт тебя на расстоянии.

Я хотела возразить, но слова застряли. Впервые речь шла не о его праве распоряжаться мной. Он называл опасность, которой я сама не умела измерить.

Я чуть не ответила, но вдруг поняла — в его голосе звучит не только злость. Там был страх. Настоящий, неподдельный страх.

— Вы... боитесь за меня? — спросила я тише.

Что-то мелькнуло в его глазах. Уязвимость? Или мне показалось?

— Я боюсь потерять единственный шанс на воскрешение, — сказал он, но голос дрогнул.

— Вы уже говорили, что причина не только в этом, — напомнила я, не позволяя ему отвернуться.

Он стиснул челюсть.

— Не заставляй меня доказывать это у твоей могилы.

Упрямый. Даже признать, что ему не всё равно, не может без оговорок.

— Хорошо, — сказала я. — Допустим, я соглашусь не расследовать убийства. А что, если убийца сам найдёт меня?

— Я буду рядом, — ответил он с мрачной решимостью.

— И всё же ваших сил может не хватить, — сказала я. Признание далось труднее, чем очередной спор. — Научите меня хотя бы защищаться.

— Научу, — пообещал он. — Но обучение не сделает тебя неуязвимой.

От этих слов что-то тёплое шевельнулось в груди. Опасно тёплое.

— И всё же я хочу знать, с кем имею дело, — сказала я упрямо. — Если он придёт за мной, я должна быть готова.

Драгон повернулся ко мне, и я увидела в его глазах внутреннюю борьбу.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но я буду рядом. Всегда. И если почувствую опасность — мы немедленно прекращаем.

— Идёт, — сказала я с облегчением. Наконец-то мы договорились о действиях.

Мы пожали друг другу руки — точнее, я протянула руку, а он сделал вид, что жмёт её. Странное ощущение — почти касание, но не совсем.

На следующий день мы отправились в лес.

Точнее, я отправилась, а он парил рядом, как злобная тучка, готовая разразиться молниями при первой же опасности.

Место, где нашли тело Моники, было в глубине леса, рядом с заброшенной часовней. Я ожидала увидеть что-то ужасное, но на самом деле это было просто... грустно. Поляна, заросшая травой. Большой камень, под которым девушку и похоронили.

— Здесь, — сказала я, указывая на неприметную насыпь.

Драгон подошёл ближе, и его форма стала более отчётливой.

— Чувствую остатки магии, — сказал он хмуро. — Тёмной магии.

— Какой? — спросила я, боясь услышать ответ.

— Некромантия. Кровавые ритуалы. — Он обернулся ко мне. — Офелия, этот человек не просто убийца. Он маг. И очень сильный.

По спине пробежали мурашки.

— Значит, дело в их магии? — спросила я, глядя на разрытую землю.

— Кровь ведьмы удерживает часть её силы, — ответил он с отвращением. — Можно похитить эту силу ритуалом.

— Для чего? — Я сжала руки, чтобы не выдать дрожь.

Драгон долго молчал, изучая следы магии.

— Для продления жизни, — сказал он наконец. — Или для обретения бессмертия.

— Бессмертия? — переспросила я. — То есть он хочет стать как вы?

— Нет, — ответил он жёстко. — Я умер и сохранил душу. Лич прячет её вне тела, чтобы удержаться здесь. Уничтожить его потом гораздо труднее.

Я посмотрела на камень и впервые поняла: эти могилы могут оказаться только началом.

Прекрасно. Просто замечательно. Маньяк-некромант, который хочет стать бессмертным личом. Именно то, что не хватало для полного счастья.

— Сколько ему нужно жертв? — спросила я.

— Обычно тринадцать, — сказал он, нахмурившись. — Но нужна точная формула, а не одно число.

Я быстро подсчитала.

— Шесть уже погибли. Остаётся семь, — сказала я, ужасаясь тому, что считаю людей как карты.

— И он может выбрать тебя в любой момент, — ответил Драгон. В его голосе слышалось напряжение.

— Почему? Разве ему не нужна определённая последовательность? — Я ухватила за последнюю надежду.

— Это пока догадка, — резко ответил он. — Я чувствую сбор силы, но не знаю точной формулы. Возможно, ему нужна самая сильная ведьма последней. Надо найти описание ритуала, а не рассчитывать на мои воспоминания.

Лестно, конечно, но как-то не радует.

Мы осмотрели ещё несколько мест, где находили тела. Везде одно и то же — следы тёмной магии, ритуальные символы, вырезанные на деревьях.

— Он не скрывается, — заметила я. — Наоборот, словно хочет, чтобы его заметили.

— Или чтобы заметили тебя, — мрачно сказал Драгон. — Возможно, это приманка.

— Хочет, чтобы я сама пришла, — поняла я, и лес сразу показался теснее.

— Именно, — сказал Драгон, напряжённо оглядывая деревья. — Мы уже задержались. Я огляделась. Лес вокруг казался обычным, но теперь каждая тень могла скрывать опасность.

— Тогда нам пора уходить, — сказала я.

— Не отходи от меня, — ответил он, насторожившись.

Мы развернулись к выходу из леса, но не успели сделать и десяти шагов, как Драгон резко остановился.

— Стой, — прошептал он.

— За нами наблюдают, — добавил он, не повышая голоса. Его неподвижность пугала сильнее крика.

— Где? — прошептала я, чувствуя, как каменеют ноги.

— За большим дубом справа, — ответил он резко. — Не смотри прямо туда.

Я посмотрела в указанном направлении и едва не вскрикнула. Между деревьями мелькнула тёмная фигура в капюшоне.

— Это он? — прошептала я.

— Не знаю, — сказал Драгон напряжённо. — Но чувствую тёмную магию.

Фигура шевельнулась, и мне показалось, что она смотрит прямо на меня.

— Бежим, — сказал Драгон.

— Может, он просто... — начала я с отчаянной надеждой.

— Беги! — рывкнул Драгон, и надежда оборвалась.

Его рык заставил меня сорваться с места. Я понеслась по лесной тропе, как заяц от собаки, подол платья цеплялся за кусты, ветки хлестали по лицу.

За спиной послышались шаги. Тяжёлые, уверенные. Тот, кто бежал за мной, не торопился — знал, что догонит.

— Быстрее! — кричал Драгон, парящий рядом.

— Не могу быстрее! — задыхалась я. — Не все же мы призраки!

— Налево, к ручью! — приказал он, встревоженно оглянувшись.

Я свернула, поскользнулась на мокрых камнях, едва не упала. Но преследователь отстал — видимо, не ожидал манёвра.

Мы выбежали на дорогу, ведущую к деревне. Я остановилась, хватая ртом воздух, как рыба на суше.

— Он... он отстал? — задыхалась я.

Драгон оглянулся на лес.

— Пока отстал, — ответил он, всматриваясь в лес.

— Почему не догнал? — выдавила я, держась за бок.

— Возможно, проверял твою защиту, — сказал Драгон. — Теперь знает, что её почти нет.

Мне стало холодно, несмотря на бег.

— Значит, нам негде ждать, — произнесла я. — Что делать?

Драгон посмотрел на меня, и в его глазах я увидела решимость.

— Доберёмся до замка, — сказал он, не сводя глаз с леса. — Аукцион в воскресенье. Завтра проверим дорогу к городу и решим, как пройти к торгам.

— А если придёт до воскресенья? — спросила я, невольно оглянувшись.

— Поставлю защиту и буду сторожить, — ответил Драгон с такой яростью, будто уже видел врага. — Больше такой лёгкой добычей ты не станешь.

От этих слов по спине пробежал приятный холодок. Впервые за долгое время я почувствовала себя в безопасности.

Пусть мой защитник мёртвый, властный и невыносимо упрямый. Зато он мой. И не даст меня в обиду.

Хотя интересно — а сам-то он понимает, что начинает заботиться обо мне не только как об инструменте для воскрешения?

Судя по тому, как он смотрел на лес, откуда могла прийти угроза, — понимает. И это его пугает больше, чем любого убийцу.

Мужчины. Даже мёртвые боятся признаться в чувствах.

Но ничего. У нас впереди замок, враги и множество поводов выяснить, что же происходит между нами на самом деле.

Жизнь становится интереснее с каждым днём. Жаль только, что и опаснее тоже.

Глава 7

Утром меня разбудил крик соседки. Очередное тело нашли прямо на площади, под окнами таверны. Теперь убийце даже лес был не нужен.

Это уже был откровенный вызов. Как если бы убийца оставил записку: «Привет, красавица ведьма! Я рядом, и мне плевать на ваших стражников!»

Я выскочила из сарая быстрее, чем кот от собачьей стаи, накинув плащ на ночную рубашку. Драгон материализовался рядом с выражением лица человека, которого разбудили в самый неподходящий момент.

— Опять твои поклонники развлекаются? — поинтересовался он ядовито.

— Очередное убийство, — ответила я мрачно, направляясь к толпе любопытных.

— Не подходи одна, — отрезал он, всматриваясь в толпу. — Здесь ждут не только стражники.

Зрелище было не для слабонервных. Девушка лет семнадцати лежала посреди площади, раскинув руки, словно спящая. Если не считать того, что кожа была бледнее снега, а на лбу красовался вырезанный символ.

— Элоиза, — прошептала женщина в толпе. — Дочь кузнеца Рудольфа.

Я знала Элоизу. Тихая девочка с удивительной способностью успокаивать животных.

— Ещё одна ведьма. Седьмая, — пробормотала я.

— Не касайся знака, — резко сказал Драгон. Его взгляд не отрывался от тела. — На нём чужая магия.

— Заткнитесь. — Я зажала уши, не выдерживая его тона.

— Я говорю не ради спора, — ответил он так тихо, что я всё-таки прислушалась.

Я протолкалась ближе к телу, игнорируя недовольные взгляды. Символ на лбу был вырезан аккуратно, почти художественно.

— Это послание, — прошептала я.

— Он хочет, чтобы ты увидела, — сказал Драгон, и голос его стал глухим. — Не жертва на площади. Вызов.

— Именно это я и хотела сказать. — От горя и злости голос почти не слушался.

— И чтобы остальные увидели твою реакцию, — добавил он. Я почувствовала на спине чужие взгляды.

Я жала зубы, стараясь не огрызнуться. В толпе уже начинались разговоры.

— Офелия! — окликнула меня Агнесса. — Скажи, кто это делает? Ты же видишь!

— Не знаю, — соврала я. — Карты молчат.

— Как молчат?! — возмутился кузнец Рудольф. — Моя дочь убита, а ты говоришь «молчат»?!

— Не обещай того, чего не знаешь, — предупредил Драгон. В голосе больше не было насмешки.

— Рудольф, успокойся, — попытался вмешаться староста.

— Не успокоюсь! — Мужчина ткнул в меня пальцем. — Появилась она — и девочки стали исчезать! Может, это она их убивает?!

Толпа зашумела. Кто-то поддержал кузнеца, кто-то возразил.

— К краю толпы, — приказал он. — Медленно. Не давай окружить себя.

— Это абсурд, — сказала я громко. — Зачем мне убивать девушек?

— А кто знает, зачем ведьмам что-то нужно? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Они уже не слушают, — произнёс Драгон, и я услышала в его голосе опасное спокойствие.

— Схватить её! — крикнул кто-то. — Пусть отвечает!

— Да она колдунья! Сожжём её!

Несколько мужчин двинулись ко мне. Я попятилась.

— К ограде, — бросил Драгон. Его очертания истончились, собираясь в ослепительную нить. — Когда я толкну их, беги.

— Вы говорили, что защитите, — прошептала я. Страх сжал горло так, что голос почти не прозвучал.

— И защищу. Только не стой.

Чужая рука уже потянулась к моему плечу. Я пригнулась.

Он материализовался между мной и толпой, и воздух вспыхнул холодным огнём.

— НЕ СМЕЙТЕ ТРОГАТЬ МОЮ ВЕДЬМУ! — рявкнул он голосом, от которого задрожали окна.

Толпа замерла, почувствовав сверхъестественное присутствие.

— Кто... кто это? — пролепетал кто-то.

— Дух! — завопила женщина. — Она призвала духа!

— Дьявол! Она служит дьяволу!

Паника была хуже агрессии. Люди шарахались в стороны.

— Бежим, — сказал Драгон, но не взволнованно, а с явным удовольствием. — Хотя, признаться, мне нравится их реакция. Давно не пугал толпу.

Мы рванули к лесу. У сарая я успела распахнуть загородку для козлёнка: он выскочил мне навстречу, и я понесла его с собой. Бросить ещё одно живое существо среди этого ужаса я не могла. Когда добрались до заброшенной мельницы, я рухнула на мешки, задыхаясь.

— Спасибо, — пробормотала я.

— Не благодари. Это было чисто из эгоистических соображений. Мне нужна живая ведьма, а не мученица. — Он отвёл взгляд, всё ещё напряжённый после удара.

— Всё равно спасибо. — Я вытерла лицо рукавом, чувствуя облегчение.

— Они испугались и нашли виноватую, — сказал Драгон, всматриваясь в дым за деревней. — Сейчас возвращаться нельзя.

— Я пыталась помочь!

— Твоё имя теперь у всех на устах, — отрезал он. — Для убийцы это удобно. Для тебя — смертельно опасно.

— А что предлагаете вы? Сидеть сложа руки?

— Именно! — воскликнул он. — Какая блестящая идея! Сидеть сложа руки и не превращать каждую ситуацию в катастрофу.

— Но убийца...

— Он не стал убийцей из-за тебя, — ответил Драгон. — Но теперь использует твои поиски, чтобы загнать тебя в угол. Не помогай ему.

Я вскочила, сжав кулаки.

— Я не могла пройти мимо, — сказала я сквозь зубы. — На площади лежала убитая девочка.

— Знаю, — ответил он после тяжёлой паузы. — Но ты всё ещё здесь, а Орден уже ищет тебя. Мёртвая ты никому не поможешь.

От злости перехватило дыхание. Не на него — на то, что возразить было нечего.

Как по заказу, издалека донёсся звук рога. Потом ещё один.

— Говоря о волках, — протянул Драгон. — Кажется, они уже здесь.

В небе над деревней поднималось зарево. Из деревни показалась процессия всадников в чёрных плащах.

— Орден, — выдохнула я.

Драгон замолчал, всматриваясь в движение всадников. От этого молчания мне стало не по себе.

— Перекрывают дорогу к городу, — сказал он наконец. — Хотят, чтобы ты побежала в лес.

— Туда, где убийца, — догадалась я, и пальцы сами сжали ворот плаща.

— Именно. Поэтому сначала выясним, где у них разрыв в цепи.

Всадники методично прочёсывали деревню.

— Бежать нужно, — сказал Драгон деловито. — Далеко и быстро.

— А деревня? Люди? — Я с ужасом оглянулась на дым.

— Что люди? — удивился он. — Те самые, что хотели тебя сжечь? Трогательная забота о тех, кто готов был превратить тебя в жареную ведьму.

— Но из-за меня...

— Из-за тебя многое, дорогая. Включая тот факт, что ты до сих пор жива, хотя делаешь всё, чтобы исправить эту досадную оплошность.

Я сжала кулаки.

Я поднялась, проверив, крепко ли устроился козлёнок в мешке из плаща.

— Нельзя дать им решить, куда мы побежим, — сказала я. — Станем приманкой, но место выберем сами.

Драгон преградил дорогу. В его лице не осталось ничего насмешливого.

— А чем ты будешь закрывать ловушку?

Я не ответила. Именно этого в моём прекрасном плане и не было.

Он догнал меня у окраины деревни, материализовавшись прямо передо мной.

— Что ты задумала на этот раз? — спросил он с опасным спокойствием.

— Стать приманкой. — Я подняла голову, цепляясь за отчаянную мысль.

— Приманкой?! — Его голос взлетел на октаву. — Для кого? Для Ордена? Для убийцы? Или решила сразу для всех?

— Для убийцы. Если он хочет меня — пусть попробует взять.

— Это самая идиотская идея из всех, что ты озвучивала! А конкуренция была серьёзная!

— Зато эффективная. — От страха меня трясло, но отступить я уже не хотела.

— Ты хочешь подставиться под удар мага, который убил семерых, — произнёс Драгон. — Это не смелость, если ты не знаешь, как выйти из ловушки.

— Значит, поможете придумать выход, — сказала я. Колени дрожали, и мне хотелось сесть обратно, но сидеть было уже негде. — Я не прошу вас восхищаться.

Он долго смотрел на меня. Я видела, что он зол. И что за злостью скрывается страх, в котором он пока не готов признаться.

Мы стояли, сверкая друг на друга глазами. В его взгляде была ярость, но и что-то ещё. Что-то, что он отчаянно пытался скрыть.

— Ты упрямая, безрассудная дура, — сказал он наконец.

— А вы властный, вредный тиран. — Я сердито посмотрела на него.

— Согласен. И что дальше? — Он вскинул подбородок, не скрывая раздражения.

— Дальше либо помогаете, либо убирайтесь с дороги. — Я сжала кулаки, удерживая остатки решимости.

— И если я откажусь помогать в твоём самоубийстве? — В его голосе появилась опасная тишина.

— Тогда буду действовать без вас. — Я выдержала взгляд, хотя внутри всё похолодело.

Он долго смотрел на меня. Потом фыркнул.

— Сначала узнаем их планы, — сказал он наконец. — Потом решим, можно ли их обмануть. Никаких обещаний победить убийцу голыми руками.

Я кивнула, чувствуя одновременно облегчение и стыд за то, как легко принимала своё отчаяние за план.

И мы пошли навстречу опасности. Он — ворча и язвительно комментируя каждый мой шаг. Я — стараясь не показать, как его присутствие меня успокаивает.

Потому что пусть он вредный, саркастичный тиран, но он мой вредный саркастичный тиран.

И это уже что-то.

Глава 8

План с приманкой выглядел убедительнее, пока приманка не сидела в дыму и не считала вооружённых всадников. Я уже жалела, что так легко произнесла это слово.

Мы просидели в кустах около часа, наблюдая, как всадники Ордена методично прочёсывают деревню. Драгон развлекался тем, что комментировал каждое их движение с ехидством опытного стратега.

— Дом пекаря, — сказал Драгон сквозь зубы. — Подожгли, чтобы выкурить тебя. Запомни: это их решение. Не оправдывай их своим появлением.

— Заткнитесь, — пробормотала я, вытирая слёзы. Дым разъедал глаза, как кислота.

— Я слышу, — сказал он тише, и от внезапной мягкости мне захотелось заплакать ещё сильнее. — Но ты не поджигала дома.

— За пожар отвечают те, кто принёс факелы, — отрезал он. — А нам нужно выбраться и сохранить доказательства.

Я сжала зубы, стараясь не наброситься на него с кулаками. Что бесполезно, учитывая его призрачное состояние.

— Вы же говорили, что в замке сможете меня защитить, — сказала я. — Где он? Этот ваш неприступный замок?

— На холме за городом, — ответил Драгон. — До внутренних хранилищ без купчей не добраться. Зато внешний двор примет нас и укроет от погони.

— Тогда почему мы ещё здесь? — выдохнула я, глядя на дым.

— Потому что дорогу перекрыли. Подождём смены дозора.

Из деревни показался новый отряд всадников. Эти были в серых плащах, не в чёрных.

— Кто это теперь? — спросила я.

Драгон всмотрелся и скривился.

— Наёмники, — ответил он с отвращением. — За тебя обещали плату.

— Значит, им даже ненавидеть меня не нужно, — сказала я, глядя на серые плащи. Страх становился тяжёлым, почти осязаемым.

У меня свело живот. Эти люди приехали за платой, и моё лицо для них было всего лишь условием расчёта.

— Мне нужно подслушать их планы, — сказала я.

— Только с края дозора, — ответил Драгон, сразу напрягшись.

— Мне нужно знать, где они будут ждать, — сказала я. Страшно было и ползти к ним, и уйти вслепую.

Драгон посмотрел на меня с таким раздражением, будто уже услышал весь спор.

— Ближе не подходи. Я проверю край дозора, но дальше нашей связи не уйду. Как только услышишь достаточно, возвращайся.

Я кивнула, не доверяя собственному голосу. На этот раз спорить ради последнего слова не хотелось.

Я поползла к деревне, стараясь держаться в тени кустов. Драгон парил рядом, напряжённо следя за дозором.

— Сук под локтем, — предупредил Драгон негромко.

Я замерла, осторожно освободила рукав и поползла дальше. Он не торопил, но я чувствовала его тревогу, как холод у самой кожи.

Мне удалось подобраться достаточно близко. Предводитель наёмников отдавал распоряжения:

— Орден платит за ведьму, — сказал предводитель сухо. — Живая или мёртвая — разницы нет. По своим не бить.

— Что в ней особенного? — спросил один из всадников.

— Духов поднимает, — ответил тот с плохо скрытой брезгливостью. — Сами увидите — близко не подпускайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.